ТВОРЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА И.А. ИЛЬИНА И И.С. ШМЕЛЕВА: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОМАНА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

А.М. Любомудров

Как известно, Иван Александрович Ильин был не только крупным ученым, оригинальным философом, но и проницательным литературоведом. Его близким другом, единомышленником стал Иван Сергеевич Шмелев, считавший Ильина своим духовным руководителем. Они познакомились в изгнании, в 1927 году началась их переписка, продолжавшаяся до смерти Шмелева в 1950 году. В целом Ильин ценил творчество своего друга очень высоко: «Художественный акт Шмелева есть прежде всего и больше всего *чувствующий* акт»; «он мыслит не как мыслитель, а как *нежно-чувствующий художник образов*», идею своего произведения он «*показует в образах и событиях*» [4, с. 357, 364], – писал И. Ильин, полагая, что «Шмелев по стилю своему есть поющий поэт», и называя его книги «исповедью обнаженного и раненого сердца» [там же, с. 356, 369].

«Пути небесные» (1936–1947) – итоговое произведение писателя. Шмелев задумал новый тип романа, который был бы основан на сознательно-православном мировоззрении, и поставил перед собой две задачи: показать путь обретения веры неверующим интеллигентом и воплотить образ глубоко верующей героини. Сознательная установка Шмелева заключалась в том, чтобы дополнить мир русской классики отсутствующей в нем темой – обретения христианской веры, и отсутствующим в ней героем – православным воцерковленным человеком. Свою, в известном смысле экспериментальную, книгу автор называл «первым опытом православного романа» [5, с. 381]: «Все должно быть вобрано в ткань эпического романа, духовного романа… Знаю: такое не удалось ни Достоевскому, ни Леонтьеву, ни Лескову, ни Гоголю» [там же, с. 479]. В истоках замысла книги лежал глубоко личный мотив. Роман для Шмелева – «опыт», поставленный, чтобы ответить самому себе на мучившие его вопросы. «Я – до сей поры – Бога ищу и своей работой, и сердцем (рассудком нельзя!). Мне надо завершить мой опыт духовного романа…», – признавался он Ксении Деникиной [3, с. 471].

Первый том публиковался в газете «Возрождение» с марта 1935 по июнь 1936 года, а в 1937 году вышел отдельным изданием. Второй том создавался с марта 1944 по январь 1947 года. Работа И.С. Шмелева проходила в постоянном общении с И.А. Ильиным, который внимательно следил за ходом создания книги и в переписке неоднократно высказывал свои впечатления и пожелания. Шмелев делился с другом своими замыслами, присылал редакции и варианты глав. Замечания и советы Ильина касались разных сторон книги. Некоторые из них Шмелев стремился по возможности выполнить, некоторые не принимал, мотивируя свое несогласие с позицией Ильина. «При огромной привязанности и верной дружбе Ильин и Шмелев совершенно поразному воспринимали жизнь, – замечает Д. Шеваров. – Ильин, правовед и государственник, человек очень волевой и четко, системно мыслящий, видел в страстной горячности и упоенной созерцательности большую опасность для Шмелева как художника. Ильин настойчиво советовал другу-писателю не отдавать себя в творчестве на волю чувственной стихии, ждал от него “ясности духовного видения”, трезвости…» [11, с. 145].

В отличие от христиан, по типу родственных Б. Зайцеву, кротко, с величайшим доверием к Творцу принимавших мир и судьбу, Шмелев до конца дней находился в горении и борении (Ильин называл его «Вулканом Сергеевичем»). Экзальтированная, страстная его натура порождала исступленные, на пределе, душевно-сердечные пережива-

© А.М. Любомудров, 2009

ния (свойственные и его персонажам). Шмелев испытывал максимальный диапазон между радостью Богообщения (в молитве, таинстве) и скорбью переживаний отхода от Бога и от Церкви. В письмах по поводу романа Шмелев неоднократно говорит о том, что его захватило «*чудо* перерождения. Да, *на моих* глазах, невер – стал вером, до… клобука! Это – действительность. Меня *всегда* мучил (и теперь, о, как еще!) этот таинственный процесс *преображения*. <…> Этот путь всегда меня пытал, нудил – приоткрой ход, познай хоть чуть-чуть, *как это делается*» (курсив И. Шмелева. – *А. Л.*) [5, с. 393]. Из исповедальных заметок и писем видно, что Шмелев подвергался одному из самых тяжких испытаний – борению с помыслами, которое в аскетической литературе расценивается как трудный подвиг, и временами переживал мучительное ощущение богооставленности. Эта духовная брань явлена в большом письме к Ильину от 14 марта 1937 года: «Так пусто, так одиноко мне, до ужаса. Бывают дни – места не найду, черная бездна тянет, отчаяние. Пытаюсь молиться, взываю – нет ответа. Этого не высказать, это – вот он, ад на земле!» [там же, с. 172]. В этом же письме он делится сомнениями относительно своего романа: «А я в смуте и не знаю, верю ли сам в то, что написалось. Двое во мне: и вот, кто, какой во мне писал – этот – верит, в полусне верит, чем-то глубоко внутри – верит. А другой – внешний, при свете дня обычный – мечется и сомневается – да не обман ли, не самообман ли?» [там же, с. 175].

Прочитав первый том, И. Ильин 21 марта 1937 года писал Шмелеву: «”Пути Небесные” я выпил со всем вниманием и восприятием. <…> В нем все шмелевское мастерство слова и внешне-чувственного изображения. Но души главных героев – неясны, недоскульптурены, недооформлены» [там же, с. 180].

Надо заметить, что переписка друзей читается как тоже своего рода «роман»: стиль Ильина – это свободные, длинные периоды, богатство словоформ, соседство разных слоев лексики – и научных терминов, и философских понятий, и просторечия, и неологизмов. Точность мысли сопрягается у него с задушевными, лирическими интонациями. Естественно, особенно проявляется это в работах, посвященных художественным текстам, и, конечно, в переписке со своим другом Иваном Шмелевым. В свою очередь, Шмелев в своих письмах «пытается довести слово письменное до интонационной полноты устной речи – отсюда в письмах Ивана Сергеевича столь частое выделение слов подчеркиванием или разбивкой на слоги. Бесчисленные многоточия выдают волнение или минутное раздумье» [11, с. 146].

Развернутая полемика Ильина и Шмелева велась во время создания второго тома. Шмелев к тому времени пережил смерть жены, тяжелую болезнь, оккупацию и голод, политические обвинения, и его душевное состояние еще более обострилось. «Душу Ивана Сергеевича угнетала постоянная тоска», – свидетельствует Вл. Маевский, видевший Шмелева в 1948 году в Женеве [8, с. 491]. Необычайно чуткий к любому человеческому страданию, Шмелев не мог удовлетвориться богословскими объяснениями наличия зла в мире. Ему нужно было понять это сердцем, проникнуть в тайну замысла и промысла Божия. И в этом он близок Достоевскому. Метания между простонародной, наивной верой и сонмом рационалистических сомнений продолжались до конца жизни. Вновь и вновь Шмелева одолевали мучительные раздумья о смысле страданий, о призвании человечества, и его страстные вопрошания к небу близки вопросам Ивана Карамазова, только без богоборческой составляющей. Так, свой последний роман, «Пути небесные», Шмелев писал в известной мере для себя: «Я не могу понять, *зачем* весь этот “огород” – человечество! И чтобы заглушить это отчаяние, я пробую себя… “Путями”… *натаскивать*. Порой я или голый невер, или рязанская старушка, которую не смущают “мысли”. Я *не постигаю* – грехопадения, обреченности *всего* и Искупления! Очевидно, не надо *постигать*. В этом смысле этот-то “ум” – враг. Творцу *все* было ведомо изначала: *зачем* же – *все*?! Что за *игра*?! что за *опыт*?! И чего же он стоил, этот опыт!? Лучше бы уж – не он! Вот, как укрытие от сего – этот опыт с “Путями”. Он прежде всего – *мне* нужен» [5, с. 394–395].

В том же письме от 27 марта 1946 года встречаются и такие отчаянные строки: «Мне

на многое теперь наплевать. Я и в церковь бросил ходить – читаю, *порой*, Евангелие» [5, с. 396]. Но это временная слабость, еще одно свидетельство духовной борьбы с самим собой («Да, я сам – Фома. Тупикую…», – признавался он [6, с. 29]). Вскоре, в апреле 1946 года, возникает интереснейшая переписка с Ильиным, где Шмелев делится своими размышлениями о вере, о путях ее обретения, о художественном воссоздании этого процесса, о сопряжении разума и сердца. «Пути небесные» неизменно оказываются в центре этих размышлений.

В ответ на письма, полные сомнений и вопрошаний, Ильин старается ободрить друга, не устает подвигать его к православному мироотношению, к опытному приобщению к трансцендентному: «Пожалуйста, не думайте, что трагические вопросы мироздания решены в какой-нибудь философии… гениальные умы *трогательно* гадают над загадками Божиими, не более. <…> Самое важное… в том, чтобы постоянно *осязать свой собственный* священный огонь как *подлинное пламя Божие*. Так – в молитве, в акте совести, в создании и восприятии прекрасного искусства и в излучении активной любви. *Там*, и только *там* – в по-смертии откроются глаза, а сейчас надо: *живой опыт единения с Ним и живое доверие к Нему*» [5, с. 398].

На это Шмелев в нескольких письмах отвечает: «Я в “Путях” не философствую, там – другое – там старается невер поджечь веру в себе, то есть как-то ее ощутить. Даже потрясенный гибелью Дариньки, даже приняв постриг, он в полноте не найдет веры – так я его понимаю, представляю. *Для* веры – надо *родиться*. Это – вера – счастливый билет, *удел*, это – *чудо*, вдруг сотворяющееся. <…> Вера – высшее искусство, высший из даров. Сейчас это искусство в великом упадке, как всякое искусство» [там же, с. 402].

Таков был душевный, психологический фон, на котором разворачивался процесс создания второго тома романа. Но друзья обсуждали и конкретную художественную ткань, образы героев, композицию книги. Реплики Ильина становятся более жесткими, накапливается ряд претензий к художнику. Одна из них – та, что идея не показывается в образах, а поясняется, высказывается: «Научение и изображение состязуются все время в ткани романа. Учительное, кажется, подчас дороже автору; отсюда та пристальность рефлектора, с которою он светит читателю – и в заголовках, и в цитатах из “Записки к ближним”, а также из воспоминаний героя, и в психологии других героев» [там же, с. 387]. Критик имеет в виду весьма сложную структуру шмелевского произведения, которое является романом-ретроспекцией: в нем значительный объем занимают комментарии героя – Вейденгаммера, комментарии автора, комментарии из даринькиной «Записки». Порой они действительно перегружают текст. Но Шмелев, отвечая Ильину, отстаивает художественную оправданность этого приема: «Это не я свечу, это мой страстный собеседник, весь взятый тем, что с ним сталось, мне, как, может быть, и другим.., поясняет, исповедует, чего удостоился! И через кого… (все время, по-земному, закрывая Его – самым близким своим – своей Дарьей). Это – страстность, и – пристрастность. И это мне, писателю-сказывающему, страшно помогает, я как бы «умываю руки» (не виноват, дескать, это – *он так*)» [там же, с. 392–393]; «Я – рассказчик, передаю рассказ героя, герой делает отступления, разъяснения, исповедуется, перебрасывается вперед за много до текущих событий его рассказа,.. как бы внушает, обнажает себя, истолковывает Дари свою…» [там же, с. 478–479]. Впрочем, впоследствии Шмелев, называя этот прием «сложнейшим», соглашался, что сам автор должен искать точку равновесия [там же, с. 528–529].

Однако же эта особенность книги Шмелева не может считаться серьезным просчетом: в романах и Достоевского, и Толстого значительные фрагменты посвящены изложению тех или иных идей, которые высказывают не только их герои, но и сами авторы (рассказчики). Более серьезны другие претензии Ильина, касающиеся образа главной героини – Дариньки. И. Ильин писал о недооформленном, неясном образе главной героини, «то обуреваемой земным алканием, то заливаемой стихией церковно-родового молитвования» [5, с. 180]. Что же он имел в виду?

Даринька – человек, отличный от других людей по природе, особенный, необыкновенный. Избранность, исключительность героини видится в двойственности ее натуры, соединяющей человеческое, земное и нечто

из мира высшего. Неотмирность проявляется не только в постоянных эпитетах «святая», «чистая», которыми сопровождают ее восторженные поклонники. И сама «Даринька сердцем понимала, что она как бы вынута из Жизни, с большой буквы, и живет в темном сне, в "малой жизни": она прозревала знаки, доходившие к нам оттуда» [12, с. 129]. Это двоемирие, воспринимаемое как поэтическая метафора при беглом чтении, при более внимательном обнаруживает более глубокий, религиозно-философский смысл. Если обратиться к запискам и письмам Шмелева, нетрудно убедиться, что «двоемирие» героини было сознательной художественной установкой Шмелева: «Для Дариньки наша действительная жизнь, наша реальность – сон, она как бы во сне – в этой жизни, не живет, а "спит"... А за этой жизнью... есть для нее как бы "лик скрытый" – ее "подлинная жизнь", мир внутренних видений, чуяний, – реальнейший и повелительный для нее» [7, с. 442]. Но христианство призывает человека к обожению души, ума, сердца, тела, а не разрывает личность дуалистически на небесную и земную компоненты.

Истоки такого видения Дариньки коренятся, в значительной мере, в эстетических и философских составляющих русского символизма начала XX века. Чувство Вейденгаммера к Дариньке перерастает в языческое обоготворение, его монологи (и в обращениях к Дарье, и в позднейших его воспоминаниях) – настоящая молитва-дифирамб сотворенному кумиру: «Она... высоко надо мной, царица, а я – у подножия ног ее» [12, с. 256]. Преклонение Виктора Алексеевича («Я мог на нее молиться») типологически идентично культу Прекрасной Дамы, который исповедовали младосимволисты.

Имя философа – идеолога символизма – несколько раз встречается в тексте романа. Ноты символистской поэзии, идеи Вечной женственности открыто манифестированы в письмах Вагаева, который как раз в этот период «слушает Вл. Соловьева», к Дариньке: «Вы Пречистая для меня... жена моя, вечная моя... чудесная, чудотворная, небесный ангел»; «…Божественное смотрит из ваших глаз», «в вас, как ни в какой другой, особенно чувствуется то вечное, что уводит за эту жизнь»; «в вас... великий отсвет того... небесного, предчувствуемого, о чем мечтает поэзия, что ищет философия, что *знает* одна религия...» [там же, с. 252–253, 257–258].

Письма Димы Вагаева соотносятся во втором томе с записями в дневнике Вейденгаммера, созерцающего Дариньку: «Вот то, влекущее, чего ищут все, вечное-женственное... В тот памятный вечер во мне родилось постижение величайшего из всех образов: Дева – Жена – Приснодева» [там же, с. 389]. Так, Даринька, скромная золотошвейка, молитвенница и смиренная кающаяся, предстает одним из воплощений Вечной женственности. Автор никак не «компрометирует» это восприятие ее персонажами, напротив, такой она видится и самому Шмелеву, и об этом он говорит в заметках к роману. И Дарья, лишь *казавшаяся* таковой окружающим в первом томе, во втором все более соответствует этому образу в действительности.

Умножаются голоса, видения, сны, знаки; Даринька начинает видеть иной смысл буквально во всем, предметный мир становится для нее символом, тенью, знаком мира невидимого, что все более отдаляет ее от христианского мироотношения. Даринька, таким образом, превращается чуть ли не в адепта философии символизма, где каждое явление действительности рассматривается как тень, символ, знак того, что недоступно простому созерцанию. Убеждая Вейденгаммера в неслучайном, «знаковом» смысле происходящего, она все ближе подходит к тому, чтобы вслед за философом-мистиком повторить: «Милый друг, / Иль ты не видишь, / Что все видимое нами – / Только отблеск, только тени / От незримого очами» [9, с. 175].

Во втором томе Шмелев рисует идиллию сельской, усадебно-дворянской жизни. Заметна ослабленность сюжетной динамики. В томе первом были и любовные интриги, и духовная брань, и падения, и победы. Во втором – все становится благостно, «*хорошо*», как часто повторяют герои, уходят коллизии и драматизм реальной жизни. Характеры почти не раскрываются ни в действии, ни в диалоге. Чередуются два ряда описаний (от лица Вейденгаммера и Дариньки в цитатах из «Записки»), где дан, главным образом, *анализ* их поступков и состояний, *разъяснение* заменяет собой *изображение*. По этому поводу И.А. Ильин писал:

«В первой части были “вихри” и “соблазны”. Во второй – сплошная апология. И в этом есть известная опасность: как бы читатель не оттолкнулся от необходимости пребывать все время в умилении» [5, с. 390].

13 февраля 1946 года Шмелев завершил первую редакцию второй книги «Путей небесных» и показал ее Ильину, после замечаний которого («не умиляй, дай самому умилиться. Восторг автора убивает… самородящийся восторг читателя» [там же, с. 524] и пожелания убрать одну сцену) в декабре 1946 года пересматривает и правит том, вычеркивая из 300 страниц около сотни: «Я подсушил, вытер слезы и охладил порывы. Ахнул, сколько там сахарину! Ну и полущил… Вырезал, не щадя. Стало, кажется, лучше, чище» [там же, с. 529]. Но кардинально менять складывающийся текст Шмелев не мог. Позже, в книге «О тьме и просветлении», Иван Ильин вновь писал об этом так: «Во второй части романа образ Дариньки рисуется все время чертами *умиления и восторга*, которым читатель начинает невольно, но упорно сопротивляться. <…> Сентиментальность становится главным актом в изображении… Главная опасность “чувствующего” художества оказывается непреодоленной и неустраненной в “Путях небесных”; читатель воспринимает *намерение автора*, но перестает художественно “принимать” его образы и созерцать его предмет…» [4, с. 365].

Имея в виду будущее преображение героя, Шмелев силой, рычагом, двигателем на пути к Богу выбирает привлекательность Дариньки – душевную и телесную. Он откровенно излагает свою художественную установку: «Я только одно понял: надо *обаяние*, редкую силу, предельный шарм, непохожесть ни на кого — апофеоз женственного, как бы заменяющий Свет, ослепивший Савла. Чистота, душевная высота, недосягаемость» [5, с. 394]. Действительно, для героя романа благодать Божия оказалась подменена, заменена, отодвинута Женственностью (герой «закрывает» Бога «самым близким своим – своей Дарьей» [там же, с. 393]). Искусительная идея Вечной женственности оказала воздействие на творчество многих русских литераторов, не избежал ее влияния и Шмелев. Влияние Серебряного века с его утонченной образностью, душевностью, нецерковной мистикой, наследием эстетики символизма, безусловно, сказалось в «Путях небесных», осложнив задачу создания последовательно «православного романа».

Отметим еще один момент философии Соловьева, который, по-видимому, внес дополнительные штрихи в одну из важных философских составляющих романа. Речь идет об идее неслучайности всего происходящего. Она может показаться подлинно христианской, но мысль о таинственном значении и даже *предназначении* каждого явления уже уводит от представления о Промысле и свободной синергии Бога и человека. И. Ильин сетовал на эту особенность романа, острее проступившую во втором томе, приводя в пример рассуждения о «назначенности» ночного пения петухам. «Но что же и кому в сем мире *не* назначено? – горько иронизировал философ. – Такая мудрость способна разочаровать даже и доверчивого читателя» [4, с. 365]. А в письме Шмелеву сожалел о том, что «мыслительная беспомощность Дарии Ивановны и ее умственная неразвитость совсем не обеспечивают наличность духовного созерцания и поющего сердца» [5, с. 386].

Идея «оправдания» мира в явлении была присуща абсолютному идеализму Шеллинга и Гегеля и впоследствии унаследована метафизикой Соловьева, откуда, скорей всего, и воспринял ее Шмелев. «Без “достаточного основания” ведь ничего случиться не может… И раз уж что случается, то, значит, не могло не случиться. Именно “случайного” вообще не бывает, – излагает эту особенность философии Соловьева Г. Флоровский. – У Соловьева этот пафос абсолютного обоснования был всегда очень острым. Он прямо и учил о предопределении» [10, с. 314]. Мысли Вейденгаммера (разделяемые и автором) о том, что все происшедшее с ним происходило согласно «Плану», очень близки к этому учению.

Хотя некоторые исследователи, анализируя роман, и отождествляют понятие «Плана» с Промыслом, в художественной ткани романа эти понятия далеко не всегда совпадают. Согласно христианскому богословию, Бог *предвидит*, но не *предопределяет* события. Промыслительные вмешательства Божественной воли способствуют направлению

души к спасению, но не лишают человека свободы воли. Персонажи «Путей небесных» близки к православному пониманию Промысла, когда рассуждают о «знаках», как бы подсказках, подаваемых им, или о возможности для Господа направлять зло к добру, но порой уклоняются к мысли о фаталистической предначертанности явлений. Виктор Алексеевич постоянно упоминает о «Божественных чертежах», Планах как схемах, но сама эта образность неадекватна: судьбы человечества видны Богу, но не начертаны им, а совершены свободной волей человечества, начиная от грехопадения первых людей. Между тем в «философических» построениях Вейденгаммера встречаются такие фразы: «Постиг он и другое важнейшее: все в его жизни… было как бы предначертано в Плане наджизненном» [12, с. 270]; «я чувствовал, что я уже нахожусь в определившемся плане, и все совершается по начертанным чертежам, путям. Я знал, что она необычайная, назначенная. И ей умереть нельзя» [там же, с. 63] и т. п. Особенное смущение вызывают слова героя, усматривающего Божественный План «даже в грехопадениях, ибо грехопадения неизбежно вели к страданиям, а страдания заставляли искать путей» [там же, с. 183], дающие повод исследователям справедливо заключить, что «герои оказываются беспомощными перед страстями, а в самом понятии Пути начинает отсвечивать едва ли не фатальность» [1, с. 127].

Наконец, Ильин с интересом следил за развитием образа главного героя романа, Виктора Вейденгаммера. В первых томах он остается скептиком и рационалистом. Мир веры только начинает приоткрываться ему. Пытаясь постичь таинственные законы мироздания, он, как инженер, представляет себе мироустройство в понятиях и терминах своей профессии, сугубо рационалистических: «планы» и «чертежи» человеческих судеб видятся ему «вычерчиваемыми» некой надмирной волей. Шмелев сообщал в заметках к роману, что сомнения будут мучить этого персонажа долго, и его обретение веры должно будет произойти много позже (так это было и в действительности: реальный Вейденгаммер после смерти Дарьи поступил в монастырь «неверующим»).

Интересно замечание И. Ильина, внимательно следившего за ходом создания романа, по поводу попыток Вейденгаммера постигнуть Бога рационалистическим путем: «Вы философствуете не тем актом, которым художествуете; и отпустили свой этот другой акт в Виктора Алексеевича, в коем сей акт, воплотившись, окостенел и “тупикствует”» [6, с. 18]; «Кто ищет Бога, тот должен влюбленно хотеть совершенства, созерцать из горящего сердца, жить совестью и подчинить всему этому свое нечувственное воображение. Человек, тупикующий в конструктивном понимании, Бога не найдет. Бог не выдумывается, не выкомбинировывается, не гипотезируется в “бесконечности”, не исчисляется – а любится, любовью видится, совестною любовью осуществляется» [там же, с. 20]. Ильин тактично подсказывает Шмелеву пути развития характера, и сегодня трудно сказать, последовал бы Шмелев этому совету, если бы закончил роман.

Конечно, кроме Ильина, влияли на создание «Путей небесных» и другие лица, близкие Шмелеву, и среди них в первую очередь – платоническая любовь Ивана Сергеевича, О.А. Бредиус-Субботина, ставшая одним из прототипов героини. Н.А. Герчикова показывает, что их знакомство и переписка стали «важной вехой, поворотным пунктом в создании романа… дали толчок творческому воображению и оформлению художественного вымысла» [2]. Шмелев отсылал Бредиус-Субботиной фрагменты романа, делился заметками и планами, что позволяет проследить, в каком направлении шла работа над его редакциями (в настоящее время эти материалы опубликованы в издании, см.: [13]). Например, в одном из вариантов «писатель предполагал показать дальнейшее развитие отношений Дариньки с ее “небесным супругом” – Вагаевым: ее грехопадение, рождение сына, смерть Димы и ребенка» [2].

Замечания И. Ильина справедливы, но в целом «Пути небесные» нельзя считать творческой неудачей писателя. По большому счету «опыт духовного романа» осуществился, и «Пути небесные» стали во многих отношениях уникальным феноменом в русской литературе. В книге показана жизнь человеческой души, руководимой Божественным промыслом и ведущей «духовную брань» с силами

зла. Социальность, хотя и отчетливо выраженная, играет вторичную, внешнюю роль; роман также невозможно определить ни как философский, ни как психологический. Вместо столь привычного для классики психологизма мы встречаем здесь отражение именно *духовной* жизни души. И можно согласиться с оценкой, данной «Путям небесным» И. Ильиным: «Это первый… сознательно-православный роман в русской литературе… Это роман ищущий и находящий; в этом его духовная сила. Это роман миро- и Богосозерцающего борения, и в этом его захват» [5, с. 387].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова, Л. М. Продолжение «золотого века»: «Пути небесные» И.С. Шмелева и традиции русского романа / Л. М. Борисова, Я. О. Дзыга. – Симферополь, 2000. – 227 с.

2. Герчикова, Н. А. История создания романа И.С. Шмелева «Пути Небесные» / Н. А. Герчикова. – Режим доступа: http://mari.eparhia.ru/konfer/2005/8.

3. Деникина, Кс. Иван Сергеевич Шмелев / Кс. Деникина // Шмелев И. С. Душа Родины : рассказы и воспоминания. – М. : Паломникъ, 2001. – 560 с.

4. Ильин, И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Кн. 1. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1996.

5. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / И. А. Ильин ; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.

6. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / И. А. Ильин ; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.

7. Кутырина, Ю. А. «Пути небесные» И.С. Шмелева / Ю. А. Кутырина // Шмелев И. С. Собр. соч. В 5 т. (доп. 6–8). Т. 5. / сост. и предисл. Е. Осьмининой. – М. : Русская книга, 1998. – 480 с.

8. Маевский, Вл. Шмелев в воспоминаниях / Вл. Маевский // Шмелев И.С. Душа Родины : рассказы и воспоминания. – М. : Паломникъ, 2001. – 560 с.

9. Соловьев, В. С. «Неподвижно лишь солнце любви…» : стихотворения. Проза. Письма / В. С. Соловьев // Владимир Соловьев : воспоминания современников. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 444 с.

10. Флоровский, Г. (прот.). Пути русского богословия / Г. Фроловский (прот.). – Вильнюс : Вильтис, 1991. – 599 с.

11. Шеваров, Д. Г. Иван Шмелев. «Я всегда жил сердцем…» : письма Раисе и Людмиле Земмеринг / Д. Г. Шеваров // Новый мир. – 2004. – № 11. – С. 144–152.

12. Шмелев, И. С. Собр. соч. В 5 т. (доп. 6–8). Т. 5. / И. С. Шмелев ; сост. и предисл. Е. Осьмининой. – М. : Русская книга, 1998. – 480 с.

13. Шмелев, И. С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной : неизвестные редакции произведений. – М. : Росспэн, 2006. – Т. 3. Ч. 2. – 1093 с.